

БОЯРЬ-АНИМЕ

Владимир Матвеев

КАРАКАЛ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М33

Серия «Боярь-аниме»

Выпуск 6

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

М33 Матвеев, Владимир

Каракал: роман / Владимир Матвеев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 448 с. (Боярь-аниме).

ISBN 978-5-17-103986-8

Он всегда считал себя Матвеем Хантовым. У него был дом, семья и страна, которой он служил. Но как оказалось, на Земле он был всего лишь гостем. Пришло время, и родной мир позвал Мат'Эвэя назад. Как он встретит бывшего офицера? Для чего парень понадобился ему? Какие испытания приготовила Матвею судьба? Сможет ли он с честью их выдержать? Время покажет. Главное — оставаться собой.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-103986-8

© Владимир Матвеев, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

Этот выход в Сумеречные Земли для Вагарда Томкару не задался с самого начала. А он, выход, как-никак должен был стать первым в качестве полноправного выпускника школы егерей, а не просто ученика, собиравшегося под приглядом наставника побродить в полудневном переходе от Пелены, как было до этого в течение долгих семи лет.

А все родитель.

— Вагард. — Вспоминал он хмурое лицо своего отца, глядящее на него из «переговорной сферы». — Ты в первую очередь гресс Дагарон, и дела семьи и Клана всегда должны быть у тебя на первом месте. Хватит того, что я поддался на твои уговоры и, потакая, позволил поступить в школу Егерей.

— Отец, — неподдельно возмутился его самый младший отпрыск. — Ты же сам говорил, что настоящий гресс просто обязан стать как минимум мастером Боя, а где еще можно этому обучиться, как не в школе егерей?

— Вот поэтому и не попрекаю тебя этим.

— ??? — брови парня взметнулись вверх, а рот открылся в беззвучном возмущении: «А что же было тогда перед этим?»

— И не надо прожигать меня взглядом... — Краешек губ на грубом, словно вырубленном из куска красного гранита, лице отца, с тяжелыми надбровными дугами, нависшими над пронизательными глазами, дернулся в легкой ухмылке. — Окончить школу не значит посвятить себя шастанью за Пеленой. Ты уже выпускник этого славного учреждения, и этого достаточно. Но если все же нейметя и тебя так и манит в Сумеречные Земли — делай это в свободное от дел клана время. Или ты полностью хочешь посвятить себя этому? Может, уже и в Орден егерей успел вступить? — нахмурился он, но тут же облегченно вздохнул, когда сын отрицательно покачал головой.

Барест Томкару любил своего сына, он любил всех своих детей, коих на сегодняшний день у него было уже целых семь душ, но отношение к младшему было особенным. Причем не только его — отца — отношение. Жены главы семьи квохтали над последышем, словно над единственным выжившим из большого выводка цыплёнком. Ну а для старших братьев и сестер он вообще был вроде той связующей клейкой субстанции, что позволяла им чувствовать себя одной семьей.

Он их мирил, когда те ссорились. Его грудь орошали горячими слезами сестры, страдая от очередной неразделенной любви. Братья, не стесняясь, вываливали на него свои маленькие и большие проблемы в надежде найти в последыше поддержку и оценку своим мыслям и идеям. И те и другие бежали к нему, чтобы тот поднатаскал их перед экзаменами по оружному бою, когда Вагард стал постарше. Да и просто посиделки за кружкой ароматного цикра, когда получалось собраться всем вместе под крышей родного дома, тоже происходили в его комнате и при обязательном его присутствии. И все это несмотря на то,

что разница с Баниятой, что появилась на свет перед Вагардом, была восемь лет. Ну а про первенца Бареста, названного в честь деда, и говорить нечего. Тот сам мог быть ему отцом, так как было ему уже почти тридцать лет, когда крепкий карапуз Вагард громким криком известил этот мир о своем рождении.

— Я, между прочим, до сих пор считаю, что надо было поступать в «Высокую школу вязи» дяди Торката, как это сделали все твои братья и сестры, — меж тем продолжал отец. — Там тоже искусство боя преподают. Нет, тебя за каким-то демоном к егерям понесло.

— Ты не забыл, что, в отличие от моих сестер и братьев, моя «искра» мертва? — Лицо парня вмиг помрачнело, на скулах заиграли желваки, а глаза превратились в две небольшие щелочки, за которыми едва угадывались черные зрачки, окаймленные желтой радужкой. Впрочем, вспыхнувшая злость была ментально укрощена, и парень продолжил уже более спокойным тоном: — Ну а качество преподавания боя у магов такое же дерьмовое, как и преподавание магической вязи в школе егерей.

— А вдруг гранды-преподаватели смогли бы пробудить твою искру? — не унимался глава семьи. — И перестань выражаться как простой артак.

— ОТЕЦ, ХВАТИТ! — все же вспыхнул Вагард, но снова быстро взял себя в руки. — Прости. Ты ведь сам знаешь, что значит «мертвая искра». За сотни лет, как впервые стало известно об этом увечье аристо, еще не зафиксировано ни одного случая, чтобы искра ожила. Это спящую пробуждают, моя же мертва. И давай больше не возвращаться к этому разговору.

— Сын, — более мягко произнес отец. — Это ты меня прости. Несмотря на то, что меня всего передергивает, едва услышу выражение «мертвая искра»,

я все равно горжусь тобой. Вся семья гордится тобой. Стать мастером боя в семнадцать лет — такое случается очень редко. Да чего там говорить, за последние три сотни лет — это первый случай. По крайней мере, так сказал архивариус семьи.

— Дока боя, — буркнул себе под нос Вагард, опустив взгляд.

— ЧТО?? — изумленные глаза отца заполнили почти всю «переговорную сферу».

Градация мастерства у тех, кто посвятил себя бою, была почти такой же, как и у магов: адепт, подмастерье, бакалавр, мастер, дока и гранд. Была, правда, и еще одна ступень — элит гранд, но она скорее относилась и к искусству Боя и к искусству вязи. Универсальные воины, как их называли на Абидалии, и все они принадлежали к одной-единственной расе — приамы, которая считалась полностью истребленной после Войны Последнего Передела, которая в народе получила другое название — Войны Страха. Так что в настоящее время в мире воинов уровня элит гранд просто не существовало.

Вот только получить тот или иной ранг в искусстве боя было едва ли не сложнее, чем встать на ту же ступень у магов. У неодаренных, в отличие от последних, такого помощника, как «искра», не было. Поэтому ранги мастерства нарабатывались упорной, до изнеможения, работой, потом и кровью. И чтобы подняться на еще одну ступень вверх, часто проходило не по одному десятку лет в каждодневном упорном совершенствовании своего тела, с пичканием его снадобьями и зельями.

Вот и представьте удивление главы правящей семьи клана Дагарон, когда он узнаёт, что его самый младший отпрыск уже дока, которых наберется едва

ли сотня на все Семиградье. И все это в какие-то двадцать лет отроду. Правда уже через мгновение, вспомнив, с каким упорством Вагард буквально насилывал свое тело, занимаясь на тренировочной площадке, часами избивая сначала деревянных истуканов, а затем и партнеров по учебным поединкам, Томкару удивляться перестал

— Вагард, — чуть подрагивающим голосом от переполнявших мужчину эмоций наконец произнес глава клана, когда мысли обо всех этих сравнениях магов и воинов пронесли у него в голове табуном диких испуганных тарпанов. — Я безмерно горжусь тем, что у меня растет такой сын. Возможно, я и повторяюсь, но это действительно так. После всего, что я узнал, ты тем более должен быть в Холмграде. В конце концов, за Пелену ты можешь ходить и из родного города.

— Пап? — с мольбой в глазах посмотрел на родителя парень.

— Сын, — нахмурился глава. — Пойми — это не просто моя блажь или прихоть. За последнюю декаду на Трехзубом перевале были две попытки проникновения чернорясых в Семиградье и один штурм силами наемников-тареамов. А в зоне ответственности каких кланов находится этот перевал, тебе, думаю, напоминать не стоит.

— Штурм? — удивился Вагард.

— Да, штурм. Скорее всего, нас просто прощупывали, но все равно это уже повод для собрания Совета кланов Холмграда. С каждым годом провокаций на границе становится все больше и больше. Представители владыки Джургской империи в Семиградье от всего отнекиваются, мол, это инициатива частных лиц. И по последним данным, доставленным из-за То-

хос-гребня, это действительно так. У джургов самих относительный порядок только до Такитаны, а вот восточнее, за рекой и до самого побережья — сами демоны не разберутся. Оттуда, видимо, эта зараза в виде чернорясых и лезет.

— На западе эти чистюли теократы, славящие своего Виргама Безгрешного, на востоке чернорясые, вообще непонятно кому поклоняющиеся, и все лезут в Семиградье, — сдвинув к переносице брови, проговорил младший Дагарон. — Отец, им здесь всем медом намазано?

— Сын, — снисходительно, словно Вагард был несмышленым ребенком, улыбнулся тот. — У нас Сумеречные Земли со своими диковинками. Здесь Сарашские болота с самородным чистейшим сырым мифрилом. Здесь самые плодородные земли на левом берегу Амплалды и в поймах Ультиаки и Парей. Продолжать?

— Не надо, — покачал головой Вагард.

И действительно, к чему слушать то, о чем он знал с самого рождения. Все аристо Семиградья получали великолепное образование. И тиры, и пратты, не говоря уже о грессах, что были аналогом высшей аристократии в человеческих государствах. И достоинства Семиградья, которые сейчас перечислил отец, открытием для Вагарда не стали.

— Мне вот что непонятно, отец, — меж тем продолжил парень. — Я понимаю заинтересованность Радогона, Полойского торгового союза, да той же Джамахирии, но святошам-то с чернорясыми что у нас надо? Они же вроде как за умы и души разумных должны бороться? Им прежде всего нужна паства, а материальное потом.

— Как же ты еще молод, сын, — покачал Томкару головой. — Впрочем, этот недостаток с годами про-

ходит, подмигнул он и начал пояснять: — Трудно насаждать свою веру и бороться за умы, находясь где-нибудь на отшибе материка в келье отшельника. А вот, когда ты в центре и от тебя, как от паука расходятся в разные стороны нити твоей паутины, за которые ты дергаешь, когда тебе это необходимо — это уже расклад совсем другой. Да и о том, что я тебе говорил до этого не стоит забывать. Ты думаешь, святошам и чернорясам нужны заблудшие, как они говорят, души, чтобы повернуть их в лоно истинной веры? — снова ухмыльнулся гресс Дагарон. — Как бы ни так. Власть и деньги — вот единственная цель, что они преследуют. Впрочем, не только они.

— А как же...

— Сын, — перебил его отец. — Давай обо всем этом мы поговорим дома, за чашкой цикра. Теперь же я жду твоего ответа.

— Я буду, отец, — почти без паузы ответил Вагард.

— Вот и прекрасно, — открыто, с нескрываемым чувством облегчения, улыбнулся тот. — У тебя есть сутки, чтобы завершить все свои дела в Великограде. Совет кланов Холмграда через три дня, но надо еще и с матерями, братьями и сестрами пообщаться, — подмигнул он. — Тем более такой повод. Первый дока боя в семье.

— Да уж, — передернул плечами парень, ярко представив, как его будет тискать женская половина сородичей.

— Кстати, — снова обратил на себя внимание Томкару. — На Совете будут представители кланов и семей других городов, потому как это касается уже не только Холмграда, но и всего Семиградья. Некоторые главы сами решили присутствовать. В частности глава Хаэрс точно будет, может, и еще кто решит посетить наш

город. А у них в свите наверняка будут незамужние родственницы. Может, уже начать присматриваться к первой будущей жене?

— Я еще слишком молод, чтобы вешать себе на шею этот хомут, — поморщившись, отмахнулся парень.

— Ну-ну, — хитро сощурился старший Дагарон. — Не зарекайся. Женщины — такие существа, что опомниться не успеешь, как, проснувшись рано утром в один из дней, обнаружишь на правом запястье вязь брачной татуировки, а под боком посапывающую красотку. А возможно, и не одну.

Вагард явственно представил эту картину и сморщился еще больше, словно откусил порядочный кусок от не до конца созревшего ламата, чем вызвал заразительный смех своего отца.

— Все, я собираться, — решительно поднялся парень. — До скорой встречи, отец, — и погасил «сферу».

Постояв в раздумье некоторое время, Вагард вдруг понял, что собирать-то ему особо и нечего. Из казармы егерской школы его попросили сразу же, как только он получил документ об ее окончании. В принципе, он уже тогда был волен в своих поступках, но решил подождать и попытаться сдать экзамен на получение ранга доки боя. Поэтому снял комнату в городе и стал ждать даты испытаний.

Экзамен был трудным и изматывающим. Три дня парень показывал грандам-наставникам все, чего успел достичь своим упорным трудом с того самого дня, когда его еще детская ручонка с ямочками на будущих костяшках кулаков и перетяжечкой на запястье, все же смогла удержать рукоять боевого кинжала. Три долгих дня доказывал, что достоин, чтобы полы его плаща скрепляла серебряная фибула в виде дра-

кона, кусающего себя за хвост — знак доки боя. Так что единодушный вердикт комиссии: «дока боя» был закономерным итогом его многолетних тренировок.

Оставалось только совершить свой первый выход за Пелену в компании товарищей, с которыми долгие семь лет жил плечом к плечу. За многие годы существования школ егерей у их выпускников это стало негласной традицией: прежде чем разлететься по своим кланам, делать совместный (часто единственный) выход в Сумеречные Земли. Нередко такие выходы заканчивались более чем удачно, и у новичков по итогам рейда в карманах позвякивали тяжелые «золотые драконы». Были случаи, что из такого похода возвращалось меньше разумных, чем в него уходило. Но чаще всего выход превращался в щекочущий нервы пикник или веселую попойку в дневном переходе от Пелены или границы болот.

— Хорошо еще конкретной договоренности ни с кем не было, — пробурчал Вагард себе под нос, окидывая последним взглядом комнату, что он снимал последние дни. — А то было бы очень неудобно. Хотя, с другой стороны, и объяснять ничего бы не пришлось. Все понимают, что если зовут дела клана — все остальное побоку.

Решительно закинув за спину зачарованный дорожный мешок, личный подарок Банияты, что сделала ему, когда тот получил ранг мастера боя и в котором в настоящий момент находился весь его арсенал, Вагард кивнул своим мыслям и покинул комнату.

Легкий шлепок по мягкому месту работницы таверны, что по обоюдному согласию согревала ему постель, пока он ждал экзамена, ее грустные глаза, в которых явственно читалось разочарование, что от них съезжает молодой, щедрый и нежный именно с ней

парень, и вот он уже стоит на крыльце, щурясь от ярких солнечных лучей.

Решив не брать экипаж или рикшу, молодой воин размеренной походкой направился в сторону городского телепорта. И дело было не в том, что он пожалел на это денег. Уж от десятка медных «драконьих ноготков», что было обычной таксой, в какой бы конец Великограда ты ни поехал, он бы не обеднел. В мощне всегда звенела приличная горсть денег: от тех же медных «драконьих ноготков» и серебряных «драконьих чешуек» до полновесных «серебряных драконов». Золота в кошеле он не носил, предпочитая держать с десятков монет в воинском поясе — так, на всякий случай. Просто ему хотелось еще раз взглянуть на город, ставший ему почти таким же родным, как и его Холмград, в котором он родился и провел первые десять лет своей жизни. Что-то подсказывало парню, что вернется он сюда еще не скоро.

Очереди перемещающихся во все стороны Семиградья разумных на порталной площади практически не было. Недешёвое это удовольствие путешествовать «древними путями». «Золотой дракон» по-волшебному быстро исчез в руках оператора портала, и вот уже глаза младшего Дагарона щурятся под лучами того же самого солнца, но менее теплого, что ли, из-за легкого прохладного ветерка, дующего со стороны Тохосребня — высокой горной гряды, являющейся естественной восточной границей Семиградья.

И снова пешая прогулка, но уже по улицам настоящего родного города до ворот семейного гнезда. Казалось, что за годы учебы Холмград совсем не изменился: такой же степенный и неспешный. Чистый, с невысокими, не превышающими трех этажей, домами и особняками, с приветливыми жителями, что

бросали внимательные взгляды на его фибулу, а потом уважительно кивали. И конечно, с запахом свежей утренней выпечки, что, смешиваясь с тем самым горным ветерком, наполняла улицы города ароматами, каких не было больше нигде в Семиградье.

Ну а едва он перешагнул порог родного дома, как тут же были забыты и Великоград, и несостоявшийся выход за Пелену, потому как он потонул в чистых и светлых эмоциях, что исходили от родных, не ожидавших такого скорого его прибытия в родные пенаты.

Следующая декада закрутила парня, словно в водовороте. Ежедневные встречи с многочисленной родней и представителями других семей клана. Званные обеды и просто посиделки с друзьями детства. Уроки боя родным братьям и сестрам, что в коем-то веке собрались все под одной крышей. Сказки на ночь племянникам и племянницам, не отлипавшим от любимого дядюшки ни на мгновение. И прошедший совсем незаметно Совет кланов Холмграда.

И снова встречи, рауты, приемы, беседы.

Но постепенно накал событий стал стихать. Родня разъехалась по своим поместьям и замкам, увозя за собой рыдающую ребятню. Поток приглашений на званные ужины, рауты и посиделки с каждым днем все уменьшался, пока не превратился в привычный, обязательный правилами приличия ручеек. Но это не означало, что парень стал маяться бездельем, пришло время заниматься делами, за которыми лелеемый им выход за Пелену снова отодвинулся на неопределённое время.

На Вагарда, как на одного из трех доков боя клана, отец с чистой совестью скинул обязанности по подготовке молодых воинов. Пока только молодых. И пока